

Культура. — 1994. — 25 июня (№ 24). — С. 11.

БАРЫШНИКОВ: ТАНЕЦ, ЖЕНЩИНЫ, ДЕТИ... ЖИЗНЬ

Михаил Барышников, его новая труппа вызывают живой интерес у западных любителей балета. Накануне гастролей этого коллектива в Европе итальянская газета «Стампа» опубликовала интервью с известнейшим танцовщиком, которое мы предлагаем нашим читателям.

«Я приеду на гастроли в Италию всего на несколько дней, затем вернусь в Нью-Йорк: у меня должен родиться ребенок, четвертый». Мог ли кто-нибудь представить себе, что Михаил Барышников окажется любвеобильным папой? Последняя блистательная русская «звезда» танца, восхищающая Запад, «наследник» Нуриева, трепетно ждет появления этого четвертого ребенка. Он еще не решил, как назовет очередного малыша, которого подарит ему жена, бывшая балерина Лиза Рейнхард. Она уже подарила ему даров — Питера и Анну. А до того Барышников произвел на свет дочь Александру, которая родилась от брака с актрисой Джессикой Лэнж.

Артист любит свою новую семью. Он вообще не представляет жизни без жены и детей. И это понятно. Барышников появился на свет в 1948 году в Риге, в русской семье. Еще ребенком остался без матери, — женщины очень тонкой и умной. Отец был военным и не обращал на сына особенного внимания. Влечение мальчика к балету, прекрасные данные, явные способности стали причиной того, что его в юном возрасте отправили в Ленинград, в балетную школу Вагановой. Под руководством Александра Пушкина, известнейшего педагога, воспитавшего немало исключительных талантов, Барышников стал прекрасным танцовщиком. Пришел 1974 год — год его побега на Запад. Новый мир, новые друзья: вечера в обществе Изабеллы Росселлини, нежная связь с Джедси Керкланд, которая рассказала об этом в автобиографической книге. Бескомпромиссные победы — на сцене и в мире нежных чувств.

Шли годы, Миша вырос, мужал и на пороге зрелого возраста, судя по всему, решил сменить зажигательно-лихорадочную жизнь суперзвезды на более спокойную, семейную. А также сменить и свой танцевальный стиль. Он оставил «суперпартии» принцев в классических балетах и заинтересовался танцем модерн, современной американской хореографией, не впадая в предрассудки по поводу возраста отдельных представителей или школ, которые они возглавляют. Это были Джером Роббинс и Туила Тарп, Мерс Каннингэм и Марк Моррис. В своей новой труппе «Уайт оук данс

проджект» он — равный среди равных.

— В вашем репертуаре также «Перголези», настоящий танцевальный шедевр, который Туила Тарп «выстроила» специально для вас. В этом произведении она, кажется, сумела дать некое резюме всей вашей карьеры танцовщика, собрав его некоторой долей восхитительно тонкой иронии. Этот балет просто «взрывает» зрительскую массу любого театра — настолько прекрасно сие произведение и настолько совершенно исполнение!

— «Перголези» — не что иное, как размышление о том, что же это такое — танец, что значит работа танцовщика. Эти размышления, естественно, являются не чем иным, как выражением лично моей точки зрения. Я не стал бы столь решительно утверждать, что это «резюме» моей карьеры — здесь есть, конечно, некоторые элементы, отражающие мое прошлое, но нет ничего «биографического»!

— У вас давняя дружба с Тарп!

— Когда я приехал в Америку, Туила была первым хореографом, занимавшимся современным танцем, с которым я познакомился. С тех пор мы постоянно работаем вместе. Она создала для меня такие балеты, как «Pushes come fo shove», «Nine Sinatra songs» — это было двадцать лет назад. Тогда все для меня было новым. Когда я стал директором Театра американского балета, я предложил ей стать моим «содиректором», и когда ушел оттуда, она тоже ушла.

— А вот то, что делает хореограф Мерс Каннингэм, один из главных представителей пост-модерна в балете, на первый взгляд очень далеко от того, что предпочитаете вы.

— Раньше у меня не было возможности лично познакомиться с его хореографией. Я танцевал только в его «Duets», который был в репертуаре Театра американского балета. Мне очень хотелось попробовать себя в его танцах. Многие артисты нашей труппы работали с ним, были знакомы с танцем модерн, хотя совершенно не знали классики. Поэтому для меня не составило труда получить у него балет «Signals» — очень красивый балет, созданный в 70-х годах. Это сочинение выгодно контрастирует с остальной программой.

— А что вы скажете о танцевально-балетной сюите на музыку Баха, созданной специально для вас Роббинсом!

— Могу сказать, что мы потратили два года, чтобы вместе «сконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс. Если бросить взгляд на ваше творчество, станет ясно, что чистота танца, совершенство всегда были вашим наваждением. Это видно из фильма, снятого в свое время еще в Советском Союзе, когда вы вместе с Людмилой Семеняка танцуете па-де-де из «Дон Кихота», — вам тогда было 18 лет. И вот теперь этот факт — два года работы с Роббинсом... Вы всегда чувствовали потребность отдавать всего себя танцу — не потому ли вы решили оставить классику? В том смысле, что, перейдя «сорокалетний порог», вы вдруг почувствовали, что не можете танцевать с той же отдачей, как когда-то! В этом отношении мне кажется очень знаменательным эпизод, который произошел некоторое время назад в Бари, в Театре Петруццелли, где Герберт Росс снимал свой фильм «Dancers» с вашим участием. Кто знает, почему, но в тот день вам не удавались ваши па, отличающиеся такой виртуозностью, легкостью, выразительностью. Я никогда ни прежде, ни потом не видел на лице танцовщика такого выражения ярости, неприступности, нежелания видеть кого-либо!

— Это правда, возможно, с течением лет «снижение» физических возможностей заставляло меня ослабить внимание к некоторым партиям. Но главная причина в другом. Певец может выбирать себе партии в огромном репертуаре, он никогда не исчерпает все. У исполнителей балетной классики в распоряжении очень маленькое количество ролей, их можно пересчитать по пальцам. Двадцать лет танцую партии Альберта, Зигфрида, Дезири, Базиля — ну просто сил нет повторять все то же. Я решил попробовать себя в новом амплуа — и это придало мне удивительный заряд сил. Самое большое удовлетворение дают те минуты, когда захожусь в репетиционном зале и вместе с хореографом пробую новые па. Чувствую себя центром нового творческого процесса, вижу, как мое тело рождает новый образ.

Материал подготовила
Л. ФИЛАТОВА.

● Михаил Барышников,
Фото из итальянской
газеты «Стампа».